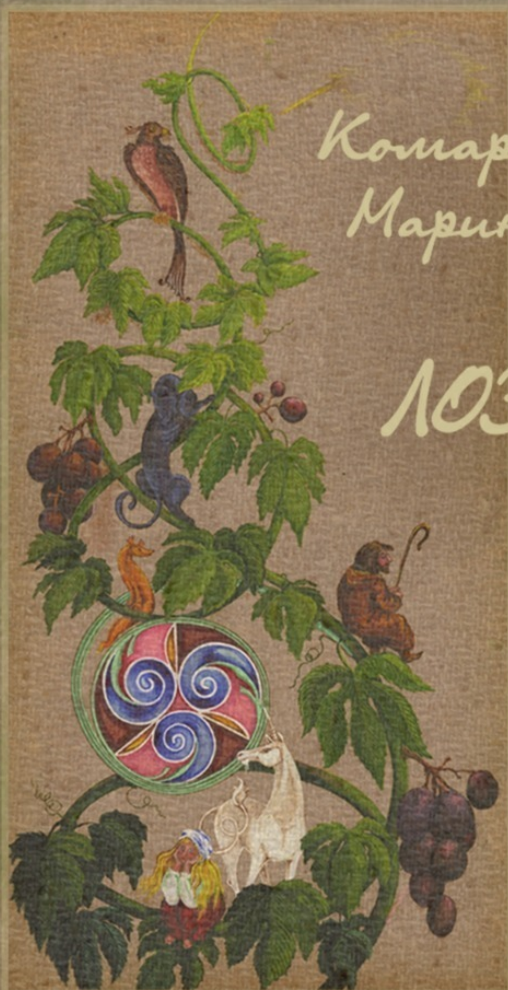

Комаркевич
Марина

ЛОЗА

Марина Комаркевич

Лоза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33831368

ISBN 9785449089779

Аннотация

Если поэзия – музыка слов, в стихах этого сборника можно услышать и органнй хорал, и колыбельную, и страстную испанскую гитару, и бубенчик скомороха. Если настроение цвета – он похож на пронизанный солнцем витраж. На его страницах – через ноты радости ли, или через печаль – постоянно звучат слова о вере, свете, счастьее, добре и любви.

Содержание

МИМОХОЖИЙ ФЛЕЙТИСТ	6
«Стук за дверью...»	7
«Я-то люблю ее мужика...»	10
«Мы не властны в мирах...»	12
«Знаешь, гадать на тебя не стоит...»	14
«Баю – баю – баиньки...»	16
«Ходит полем вереница гусей...»	18
«Немного музыки, немного смеха...»	19
«Не обреку тебя в гневе моём...»	21
«В феврале воют псы по дворам...»	23
«У детей весны безумства легки...»	24
«В Валаамскую церковь с моим бубенцом...»	26
«Мы с тобой – хорошая пара...»	28
Песенка о глиняной свистулке	30
«В черном плаще, в зелёном плаще...»	32
«Кому в корчме на соломе...»	34
«Ты счастлив о чём-то?...»	36
«Вода...»	39
Гефсиманский сад	41
«Храни меня, Господи, от старых друзей...»	45
«Весь день не свою удачу...»	47
Аве Магдалена	49
Крестница смерти	50

«Но ты дал мне крылья...»	52
«Ничего не хочу...»	54
«Что-то начало душу щемить от военных оркестров...»	55
«Горе ветра морского безмерно, и он...»	56
Многоголосье	57
«Словно к богу за крыжовником лазала...»	60
«Спокойствие бога...»	62
«Хорошо, сядь. Я скажу тебе правду...»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Лоза

Марина Комаркевич

Иллюстратор Марина Комаркевич

Дизайнер обложки Марина Комаркевич

© Марина Комаркевич, 2018

© Марина Комаркевич, иллюстрации, 2018

© Марина Комаркевич, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-8977-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МИМОХОЖИЙ ФЛЕЙТИСТ

«Стук за дверью...»

Стук за дверью.

Зачем же ты, Helen, вино пролила?

Открывай, это я – мимохожий флейтист,
В пору-полночь твоих прикасаюсь дверей,
Открывай, не страшись и от флейты моей
Не пытайся закрыться, поспешно уйти.

Мне не нужно покорных друзей,
Поспешающих следом.
Я просто хочу показать тебе мир.

Ты, перед кем я останусь наивен и слаб,
Для других – всё равно, для меня – без греха,
Слушай – лодка готова, два тонких весла,
И над башнями полночь кротка и тиха.

Мы отчалим, мы сами, как башни в ночи,
На носу и корме нашей длинной ладьи,
Неподвижны, волну рассекая, влачим
Неподвижные тени свои.

Я люблю тебя, слышишь? Не бойся.
Иного здесь нет.

Моя флейта нахлынет в сплетении тем,
Окружит, как орган, как хорал – но скажи,
И замолкнет, и станет внезапная темь,
Как ты дальше тогда вознамеришься жить?

Лишь на этой земле, а иных не нашед?
Лишь в одном из колодцев черпать синевы?
Не узнав – травяным называемый цвет,
Не единственный цвет у травы.

Защищаясь уйди и дверей не открой,
Отрекайся, хоть трижды, хоть тысячу три,
Мою флейту – сломай, неклассический строй
Этих звуков развей, обессилев замри,
Посмотри – и увидишь – над нами в небесной реке
Как две башни, две тени качнулись в ладье-гамаке.

Так себя ли убьёшь,
Если музыку эту убьёшь?

Ты учила меня – сколько медленных лет,
В твоём доме твой свет, сохранивший от зла,
Я ушёл эту флейту искать на земле
Той дорогой, к какой ты меня привела.

Я пришёл (не вернулся) – и флейта со мной,
Я всего лишь хранитель – случайный флейтист,
Но встают и растут за мою спиной
Те миры, по которым ты можешь пройти.

Я созвал их к тебе, не пугайся – бери,
Не спеши отказаться и чуждым назвать,
Это Царствие Царствий вовне и внутри
Означает – ты просто жива.

«Я-то люблю ее мужика...»

Я-то люблю ее мужика,
А она моего мужика —
Поменяться бы нам мужиками
Да и жить уж не кое-как.

А ее-то мужик за работой поет,
А мой-то за песнями пашет до дня,
А ее-то мужик обожает ее,
А мой-то любит меня.

А меня с моего-то берёт колотун,
А её от её-то с лица воротит,
Как поплакать мы с ней убежим за версту,
Так бегут мужики нас домой воротить.

А её-то мужик приезжает за ней,
А мой-то мужик приезжает за мной,
У её мужика лошадь снега белей,
Под моим мужиком конь идёт вороной.

Как мы вечером едем домой вчетвером,
Кони головы клонят друг другу шепча,
Что у ихних хозяев душа – серебро,
Что у ихних хозяек, ой, кровь горяча.

Багряницею солнце оденет траву
Поднебесное зарево выстелит сплошь,
Наши красные кони вступают – плывут
Через ярую медную рожь.

«Мы не властны в мирах...»

Мы не властны в мирах,
Которые мы создаем.
Мы даже не в силах задуть
Свечу,
Которую тот, кто должен предать
Поставил
И ее увидит тот,
Кто должен быть предан.

И если мы вдруг входим в наши миры
И начинаем там все
Кроить на свое усмотренье.
Тот, кто читает потом наши книги
Закрывает глаза и говорит:
– Человек. Ты лажаешь.
Зачем?

Но высокая осень над моей головой!
Я вхожу туда,
В толпу людей вливаюсь
На Невском проспекте.
Потому что сейчас – вот сейчас
В этом городе
В этой нелепой толпе
Я увидел

Человека в зеленом плаще и с мечом,
Свернувшего мимо
Старых стен и домов.
Я его догоняю.
Но нет ни меча, ни плаща
На случайном прохожем.
Он смотрит устало
Он смотрит за стены домов.
Нет, я не ошибся,
По этому взгляду я его узнаю.
Как странно?
Как живут они, те,
Кто не создал наших миров,
Но знает дорогу туда?
Не их ли мы ищем все время?

Помоги мне, госпожа моя – светлая Осень,
Помоги мне в моем многотрудном пути,
В моем плаванье долгом,
По морю твоей бесконечной
опавшей листвы.

«Знаешь, гадать на тебя не стоит...»

Пашке-Оленёнку

Знаешь, гадать на тебя не стоит,
Слишком явно всё началось —
В лесу бродяги шальной гурьбою
Короновали тебя всерьёз.

Слишком отчётливый путь исканий
Указала твоя стрела.
Слишком кстати пришелся камень,
Тот, что я тебе отдала.

Словно книги глупы и скудны,
Словно хватил через край вина —
Слишком открыто и безрассудно
Ищешь учителей среди нас.

Словно больше заняться нечем —
Радуйся, если день прожил —
Слишком уверенно тратишь вечность
В поисках единокровной души.

Словно узнав заранее строго
Место, где примут тебя таким,
Слишком быстро наметил дорогу

К берегам бескрайней реки.

В эти воды не входят дважды,

Пьют, не ратуя исцелеть.

А умрешь, как все мы – от жажды

Неутолимой здесь, на Земле.

«Баю – баю – баиньки...»

Баю – баю – баиньки,
Ходят в поле зайньки,
Точат, косорожики,
На морковку ножики,
Но морковку твой отец
Спрятал в золотой ларец,
Ты, малой, не плачь – у нас
Есть морковочки запас.
Плачешь? Я тебя тогда
Деду волчьему отдам,
Он тебе расскажет сказку,
Да возьмёт к себе в подпаски,
Перестанешь ты расти,
В лес пойдёшь – волков пасти.
А под вечер, а под вечер
Украдёшь у нас овечек,
Украдёшь у нас коровку,
Сватью нашу и золовку,
Из конюшни жеребца,
А из горницы – отца.
Украдёшь свою сестрёнку,
Унесёшь её в сторонку,
Дверку от петель отняв,
Украдёшь, малой, меня,
Как под камушек змею

Спрячешь матушку свою.
Ой, не кради меня, сынок,
Я сплету тебе венок,
Подарю тебе с утра
Трижды пять возов добра:
Одеял да распашонок
Чепчиков да рубашонок,
Шёлком-золотом повышитых пелёночек,
Спи, мой ангел златокрылый, воронёночек.

«Ходит полем вереница гусей...»

Ходит полем вереница гусей,
Едет полем вереница кобыл,
Эх, кабы да по земле да по всей,
Вот тогда бы, если б только кабы.

У Марии на руках человек,
А душа твердит уверенно – Бог.
Мы устроимся в стогу на ночлег
И развяжем на платке узелок.

Как развяжем узелок на платке,
Позабудем, как грустить да скучать,
И тогда нас в Райский сад налегке
Снова впустит добрый Пётр-ключарь.

Не в Содом пойдём гулять – по Садам,
Полям гречневым пойдём, не межой,
А садовником там будет Адам,
А Мария будет там госпожой.

А за нами вереница гусей,
А за ними вереница кобыл,
Эх, кабы да по земле да по всей,
Вот тогда бы, если б только кабы.

«Немного музыки, немного смеха...»

Немного музыки, немного смеха...

Пальцы и струны – конечно, за.

Шариком пестротканого меха

Кошка будет смотреть в глаза,

Дочь Египта поёт, смешав

Нежный рокот и дрожь смущения.

Время от Рождества, не спеша,

Еще когда повернет к Крещению.

Еще когда... Да и будет вообще?

Дни побегут торопясь и скучая,

Когда окажутся вдруг ни за чем

Немного музыки, немного чая?

Идёт, беспечна в своём торжестве,

Полночная церемония чайная,

Музыка ткёт по небесной канве

От простого до необычайного.

Флейта, скрипка в один полёт,

Точно как и в оконной раме

Ветер снежный ворох несёт

Над дрожащими фонарями.

Флейта через скрипичный ручей
Пробегаёт волной, смотрите,
Снег гудит в басовом ключе,
И один единственный зритель:

Здесь – фарфоровым естеством,
В мыслях – где-то за снежной стаей,
Отмеряет ритм головой
Мудрый дедушка из Китая.

«Не обреку тебя в гневе моём...»

Не обреку тебя в гневе моём
Имя носить, угодное мне.
Не обреку тебя в страхе моём
Страху служить, который сильней.

Мне эта горечь дороже, чем привкус муската
И поцелуй танцовщицы Долорес
сквозь кружево жёсткой мантильи.

Рэб Ишмаэль свою Тору учил, отвергая
изучение тела прекрасной Ребекки,
пока она не умерла.

Отойди от меня, берегись одержимого силой,
Которая делает правым и вновь виноватым,
Отойди, или снова начнём,
а тогда уж дотла —
и на ложе смертельном безумием изнемогая.

Как люблю я тебя – до кровавого звона в виске.
Как люблю я тебя – как надежду на вечную боль.
Отряхну от ступней, что содеяно было тобой,
Потому что не в силах делить тебя боле ни с кем.

Горечь моя под черным платком.
Лучше, нежели руку подать,
Мучить и мучаться, дабы потом

Не простить уже никогда.

Рэб Ишмаэль молодую еврейку отверг,
чтобы, слабость его разглядев, самого не отвергла,
Ребекка тогда умерла,
чтоб у рэба причина была перечесть его Тору.

Боль подобную я пережить не могу,
Мне легче тебя ненавидеть живого,
Чем плакать о мертвом.

«В феврале воют псы по дворам...»

В феврале воют псы по дворам,
Чуют псы приближенье весны,
Псы тоскуют, псы говорят: Пора.
Отпустите нас к нашим предкам лесным.

Там чутьем на февральском ветру
Мы найдем дорогу через метель,
Там мы встретим диких своих подруг,
Там мы выведем диких наших детей.

Они будут красивы – щенки своих матерей —
С поджарым брюхом, в каждом шаге легки,
Вы вздрогнете, люди, в час, когда у дверей
Лунной ночью взвоют наши щенки.

До тьмы в глазах каждая цепь в натяг,
Давит горло круг ременных оков,
Эти злые люди совсем не хотят
Слушать зимнюю песню диких щенков.

Заслонив хребтом своим небеса,
Четверолапый, снежен и волосат,
Бродит в метели дух бродячего пса,
Надрывая души сидячим псам.

«У детей весны безумства легки...»

У детей весны безумства легки,
Точно перья синих гусей,
Остановлю себя взмахом руки,
Прахом холод осел.
Жаль, ещё нету яблоч,
Но земляника уже близка,
Темень листьев возле тепла виска.

Дымное кружево
Льнёт обратно к золе,
Травам недужным
Не подняться с колен.
Ветер сносит туман
К стремнине реки,
Едут в тумане
Синие всадники.

Начинается лето.

Исцеляя траву одним касаньем крыла...
Синие перья плывут по тёмной воде...
Крик донесся с небесного купола...
Они были здесь, они снова нигде.

Там, где лоси

К воде идут по росе,
Ветер носит
Перья синих гусей.

Там, где мы
Сидим у костра вдвоём,
Лес над нами
Думает о своём.

«В Валаамскую церковь с моим бубенцом...»

На 19.02.1994

В Валаамскую церковь с моим бубенцом
И своё несерьёзное горе несу,
Побеседуем мирно с Небесным Отцом,
Если прочим сейчас недосуг.

Здесь высокие окна цветного стекла,
Ещё выше и звонче за певческий ряд
С медным шорохом плавают колокола
В поднебесном жильё звонаря.

Чернокрылых монахов торжественный строй
Завершает вечерню объятьем любви,
Две любимых иконы, и я перед той,
Где Мария с Младенцем Твоим.

Зимний вечер над Питером нежен, как тень
Облаков, как прозрачное пламя дрожит,
И скользящие в нем силуэты людей —
Пришлецы из пределов чужих.

Их одежды багровой вечерней парчи,

В камилавках, чалмах, под шитьём золотым
Маркитанты, султаны, евреи, врачи,
Куртизанки, волхвы и шуты.

Хороводом бессмертных вдоль замерших лет
Одержимая пляска куда-то спешит,
Это празнество жизни, где смуглая смерть
В переходах поёт за гроши.

Её голос насмешливый, голос глухой
И усталость в сутулом наклоне плечей,
Этот город – заснеженный Иерихон,
Полюбивший меня ни за чем.

И пока я – паломник к святым городам,
Не увидев меня в этой пляске шальной,
Он гадает, наверное, что за беда
Приключилась сегодня со мной.

В Валаамском приходе под сводом поёт
Многогласый, отселе невидимый хор,
Я три тонкие свечки несу на своё
Возвращение в Иерихон.

«Мы с тобой – хорошая пара...»

Мы с тобой – хорошая пара,
Ты – завидный парень с гитарой,
И со мной – седую
и злобной бабой,
одноглазой каргою старой.

Эх, пошляемся мы по свету,
Мне доверишь хранить монету,
Для тебя
зеленый плащ на меху
я сошью,
как кончится лето.

Будет многим девкам завидно.
Скажут: приворожила видно.
Обзовут кривой,
Проклянут не впервой,
Да на правду мне не обидно.

Я иначе тебя любила,
Мне твоя молодая сила
Не нужна была —
И своей дотла,
Не по одной ли дороге шли,
Не от одной ли яблони плод —

Это темная кровь говорит,
Это черный огонь встает,
Поднимается из глубины,
Из бездонной славянской тьмы.
Пеленами черные сны.
Пеленами крылья чумы.
Там цыганская боль течёт,
Их гортанный, горький язык,
Или, может, глубже ещё
Кровью эльфов – ночных владык
Наводнит, и тогда – одно,
Всё одно, хоть древняя тьма,
Будешь новый ковать клинок,
Будешь петь, бродя по холмам.
Бесконечный черный огонь
В сердцевине черных цветов,
Только лучше, сынок, не тронь
Всё, что мне известно о том.

Погуляй с седою каргой
До её последней реки,
Жаль, что больше уже никто
Не полюбит тебя таким.

Песенка о глиняной свистульке

1.

Подарила я братишке пегаса,
Чтобы он почаще улыбался,
Чтоб не думал об этой дуре, дуре,
У которой его, бедного, надули.

А пегас из коричневой глины
Весь белилами раскрашен да кармином,
На четыре дырки под рукою,
Засвистит – сердечко успокоит.

Как забудет брат о всём злополучном,
Мы найдем ему девицу получше,
Чтоб умела петь да балагурить
Назло этой дуре, дуре, дуре.

2.

Подарила мне сестренка пегаса,
Чтобы я почаще улыбался,
Чтоб не думал об этой дуре, дуре,
У которой меня, бедного, надули.

А пегас из коричневой глины
В голубых полосках да карминных,
На четыре дырки под рукою,

Засвистит – сердечко успокоит.

Как забуду я о всём злополучном,
Так подыщут мне девицу получше,
Чтоб умела петь да балагурить
Ничета какой-то дуре, дуре.

«В черном плаще, в зелёном плаще...»

В черном плаще, в зелёном плаще
Говорили стояли – опять вотще,
Разбрелись, оставив пустырь,
Он – в свой лес, она – в монастырь.
Туда, в проемы надежных стен,
Чтобы держать себя от страстей,
Чтоб, обуздывать мысли устав,
На колени поспешно встать,
Блуд и святость себе вменя:
– Матушка, посеки меня.
А в лесу ночном тишина,
Голос сосен – небес струна,
Над водою рассеян свет,
Исступленья в помине нет.
Не проси, молитвы верша,
Будет всё, была бы душа.
А на завтра опять с утра
К их черте святая сестра
Прибежит из монастыря,
А глазенки-то как горят.
Найдем, найдем, о чём попенять,
Тебе, в лесу проведенному век:
– Ты у Бога ли отнять меня

Обольстился, лесной человек?
Как, не думал? Не может быть?!
Лжешь. От страха уходишь вспять.
Ты же сам обещал любить,
Ты же просил приходить опять.
Мой и Божий не тронь союз!
– Полно, пальцем не прикоснись.
Ни в серьез не возьму, ни шутя,
Я ведь тоже монах, дитя.
– Сам не смей меня укорять!
– Славно, что ты из монастыря,
Таким не надобно жить в миру —
Они до крови себя сотрут.
Не сердись, я сейчас уйду,
Ночью северный ветер подул.
Лето кончилось, мне пора.
Ну о чём ты плачешь, сестра?

В черном плаще, в зелёном плаще
Говорили стояли – вотще, вотще.

«Кому в корчме на соломе...»

Кому в корчме на соломе,
Кому в королевском доме,
А нам выпало там родиться,
Где ходили вещие птицы.
Они над нами стояли,
Алмазным пером сияли,
Алмазным, иссиня-черным,
С тех пор и тьма нипочем нам.

В бороздах, в несеянном поле
Мы лежали, малы поколе,
Разумели себя едва ли
И над нами птицы стояли.
Они стояли, молчали,
А в глазах вековой печали
Точно снега, и слезы в придачу,
С той поры без дела не плачем.

Наполнялись дни чудесами,
Мы ходить научились сами,
А когда на крыло вставали,
Птицы нам крыло подавали,
Ну а после того, ночами,
Мы учились у них молчанью,
Или зря людей растревожим,

Знаем то, что назвать не можем.

Теперь меж людей мы ходим
При тайне какой-то вроде,
Да тайна у нас простая —
Не ходим мы, а летаем.
Кому в колыбели новой,
Кому под кустом терновым,
А мы ни в гнезде, ни дома,
За птичьим криком ведомы.

«Ты счастлив о чём-то?..»

Ты счастлив о чём-то?

Да. Наверное да.

День рождения. Мой.

Но о чём ты растерянный?

Не знаю, вчера на небе играли мистерию

О Рождестве Христа.

Так здорово, они слепили из облаков Вифлеем

Почти в натуральную величину, или больше,

Ведь ангелов много,

а участвовать в действе думалось всем.

Потом они записали роли на бумажках

и сложили их в шляпу Святого Фомы.

Знаешь, если бы там были мы,

Мы бы слышали, как Херувим, достававший листок

со словом «Младенец», смеялся громче

всех земных сорванцов,

А Фома Аквинат, вот кому не везет,

вытащил роль Ирода,

хорошо, что мы не видали его лицо.

Огорчились, конечно, доставшие роль фарисеев,

но цветные наряды утешили всех —

так красиво и пестро наводнился

толпой Вифлием,
И все с белыми крыльями,
представляешь – с белыми крыльями,
в пестрых нарядах,
в облачном том Вифлиеме,
прекрасные...

Потом, как и должно, пошло:
писцы заполняли тетради,
фарисеи учили народ, а солдаты наводили порядок,
пастухи выгоняли овец, спокойствия ради
сёк детей непослушных ретивый отец,
торговали торговцы, плясали фигляры,
Мария явила Христа, и пришли
с поклонением волхвы,
и два ангела – Сим и Иаков – запутались в шкуре вола,
и чуть-чуть не испортили дела,
а небо светлело,
мистерия шла,
шли воины Ирода,
рыскали в сонных дворах,
Иосиф, Мария и тот Херувим в пеленах
Сокрылись в Египет,
в котором они заранее сложили
из туч грозowych пирамиды,
в угрюмое странствие...

Знаешь, как сам Он на это смотрел,
и как волновался о бедном Младенце,

как будто бы это не было с Ним,
как будто впервые увидел...

Откуда я знаю? Сегодня же
мой день рождения...

«Вода...»

Очевидно, С. Маркельчу

Вода.

Мимо стен, в жерла труб водосточных
Нисходит вода,
Мы захлебнемся сегодня, это точно,
Причем навсегда,
Мимо крыш, мимо снега, мимо окон,
Через наши дома,
Шум воды в водостоках,
Повторившийся в прочих шумах.

Наши мокрые руки ничего не удержат,
Ветер нас разметал в наших мокрых одеждах,
Сквозь завесу воды уплывающих, ибо
Мы теперь вот такие пернатые рыбы,
Сотворенье воды прямо здесь происходит,
И четвёртое небо на землю нисходит,
И наверное завтра взглядом неувидлённым
Мы встретим солнечный диск не золотым, а зелёным,
И пойдем, избегая движений неверных,
Опасаясь нечаянно всплыть на поверхность.

Вода.

Мимо нас, так упорно желавших прихода весны,

Утомленных, промокших, озябших, потерянных мимо,
Но как странно всегда пахнет в вымокшем воздухе
дымом,
Топят печи в домах,
Это значит, что мы спасены.

Гефсиманский сад

1. Липа

Снег растаял и снова выпал,
Где ты, моя гефсиманская липа,
Под которой лениво и нежно
Думать о куговерти снежной,
На другом конце мира, мира,
На другом конце света, света
Быстротечное наше лето,
Август венчан сияньем млечным
В удалении бесконечном
От тепла такого, как это.
Я лежу в покое и неге
Под прохладной дымчатой кроной,
Солнце тает в листьях зелёных,
Здесь Давиду служила Ревекка,
Здесь, на ложе ему готовом,
Разноцветье коринфских тканей
Небольшими устлав цветами,
Омовенье в сосуде новом,
И простая пища, и танец.
Разве липы растут в Гефсимане?
Я не знаю об этом, не знаю,
Но стою под моею липой,
Словно летаю.

Только руки раскину и падаю вниз непременно,
Что за сладость разлита в моих обессиленных членах,
Виноградного сока и мёда,
Листвы, проплывающей в небе,
Над моей головой запрокинутой,
Что мне так горько,
Так сладко
Опять оказаться в начале,
У истока всего:
– Таки что же мне делать теперь? —
восклицаю в восторге.
– Ну так ляг и поспи, – шелестенье листвы отвечает.

2. Давид

Ты помнишь ли Анну?
Так ново казалось, что женщину можно
не только что видеть,
Но целовать и касаться руками.
А помнишь Ревекку?
Она танцевала,
Ногой не приткнувшись о камень.

Как шёл ты к Ревекке от Анны
Сквозь долгие годы,
И сам танцевал,
И играл на тимпане.
Но разве ты Анне сказал, что полюбишь Ревекку,
Ревекке – что некогда был с рыжекудрою Анной,

Сегодня умершей,
Что глаза у Ревекки и столь зелены, и столь же
желанны?
Обид не нанёс не прошедшему веку, ни новому веку,
С любимую каждой по новому век проживая.

В саду Гефсиманском
Под липой и сонной оливой
Тебя ожидают Ревекка и Анна.

Останься счастливым.

3. Смерть

*(А. Шельену, бабушка которого
носила фамилию Привман)*

Я отдаю тебе все мои сказки, возьми.
Не тебе, так кому же ещё?
Кого ещё перед Ним и людьми
Я могу так не просить ни о чём?
Есть ли во мне эта еврейская кровь,
Если бабки с фамилией Привман уж точно нет,
Если знаю на идиш несколько слов,
И Моисеем именовался дед.
Интересная личность – дед Моисей,
Польский каторжник из сибирской Руси,
А вот был ли он к тому же еврей —

Мне теперь не у кого спросить.
И такой ли это солидный дар:
В мешанине всех моих праотцов
Есть и горстка плоти казанских татар,
Есть и горстка крови эстонских купцов,
Есть и горстка силы сибирских дев, —
Ой, какие там девки, так Боже жь мой!
Смешанный сей многоязыкий напев
Тоже возьмёшь, брате крестовый мой.
Право, ты ведь не знаешь, когда уйду,
Я и сама не знаю, когда уйду,
Но на пути хочу очнуться в Саду
Под липой, в том моём Гефсиманском Саду.
Окунусь в текущий по листьям Свет.
Удивлюсь – такая нежность в груди.
Господи, гам ки элех бегей цальмавет,
ло йира ра, ки ата имади.¹

¹ (22 псалом Давида, «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной»)

«Храни меня, Господи, от старых друзей...»

Храни меня, Господи, от старых друзей,
Храни меня, Господи, от новых врагов,
Храни ото всех, кто однажды вдруг вспомнит,
Что где-то живу я вдоль твоих берегов.

Спаси меня, Господи, усердье приняв,
От тех, кто спасением бредит моим,
Чьи лодки прекрасны, корма позолочена,
Парус над ними – сияющий розовый дым,

От тех, чьи – серебряный звон – скакуны
Крылаты и голосом арфе подобны,
А там, где шагают – цветы вырастают
Под взглядом их мудрым на камне гранитной стены,

Чьи песни способны и Смерть одолеть,
Чей голос бойцов поднимает из праха
Одною лишь силой любви, не позволь мне её
Испытать на себе, но лучше позволь умереть.

Пошли меня, Господи, замёрзнуть в снегу
От тех, кому дать я ничего не могу,
От тех, кому горек порядок вещей,

В котором лишь Твой я и больше ничей.

«Весь день не свою удачу...»

Весь день не свою удачу
Ставлю на кулачок,
Весь день я хожу и плачу
Сама не знаю о чём.

Весенья – старая сводня,
Кот – мошенник и плут.
Как будто меня сегодня
Кому-нибудь продадут.

Заставят трясти мякины,
Стирать чужое бельё,
И станут чужие мужчины
Рядить про тело моё.

Подбросят орёл-монетку,
А выпадет вечный туз,
Порвут друг другу жилетку
И зубы сочтут во рту.

Полягут в ряды их лица,
Печальны, уж не со злом,
Стану за них молиться
В церковке за углом.

Буде вам докричатся
Сквозь мою маету,
Как умру без причастья
Где-нибудь на лету.

Ave Магдалена

Чем заняться, скучая,
Как не смотреть на лица,
Вот она едет с печальным
И строгим лицом блудницы.

Скрежетая на Среднем,
Мимо дома и горы,
Едет трамвай последний
Через полночный город.

Мимо старинной кирхи,
Ныне – фабрики шорной
Едет домой блудница
В свой полумрак дешевый.

В пальцах – смятые астры.
Взгляд суете не внемлет.
Может и правда – завтра
Бог вернётся на землю?

Крестница смерти

Приходи ко мне вечером,
В лёгкой тиши,
Разметай мои карты,
Меня рассмеши,

Чтобы я поняла:
Все надежды – пустяк,
Чтоб наскучило мне
В этих долгих гостях,

Чтоб на улице был
Непрерывно июнь,
Чтоб плясали колдуньи
На холодном ветру,

Чтоб проведать мне,
Как эти ведьмы поют,
Как горят их волосы,
Подобны костру.

Белой Питерской ночи
Прозрачный кристалл,
И на пальце твоём
Безнадёжный хрусталь,

Ну, столкни меня вниз
От любви и тепла,
Есть огонь и полёт,
Остальное – зола,

Остальное – не больше,
Чем пепел у ног.
Разреши мне примерить
Твой тонкий венок,

Как родную сестру
Приласкав и любя,
Разреши мне твой саван
Надеть на себя,

И, баюкая мой
Непоседливый сон,
Разреши поиграть
С твоей острой косой.

Но от большего зла,
Как от чёрного дня
Сохрани меня, пламенем
Крыльев обняв.

«Но ты дал мне крылья...»

Но ты дал мне крылья,
А мог всего лишь взять с собой и идти,
Не повернув головы, доброй беседой связав
и соединив,
Там, где в бархатном чреве ночи золотые
роются огни,
И отчаянье спит,
И любовь похожа на старость, совсем не
страшна,
А мы пребываем детьми,
И наивность уже не смешна,
Там драгоценную пыль одежды твоей
Я согласилась нести,
Но ты дал мне крылья,
И мне всё равно – останусь ли я одна.

Они холодны, их тяжесть соразмерена и велика.
Они над моими руками, или я на твоих руках?
Где ты взял этот камень
прозрачнее всех, к ним тебя приводила Смерть,
Где ты взял резец, сотворивший любое перо —
В бездну, куда облака боятся смотреть,
Недобрые руки отдали твоё серебро.

Почему мы так любим боль?

Почему мы не любим тех, кого любить не
тяжело?

Что нам в радости неразделённой, что в
тяжёлой плоти детей?

Или нам лишь тогда светло,
когда земля кричит в темноте?

Но ты дал мне крылья,
И мне всё равно – в какое пламя лететь.

«Ничего не хочу...»

Ничего не хочу.
Ни почестей, ни свершений,
ни переживаний.
Сейчас придёт ночь,
Возьмёт меня и укачает
в своей небесной люльке.
Но хочу, чтобы ты позвонил.
И я опять растеряюсь,
как школьница,
приглашённая на танец
самым красивым мальчиком нашей
школы.

«Что-то начало душу щемить от военных оркестров...»

Что-то начало душу щемить от военных оркестров.

Или это война?

Так откуда ей быть между нами.

Или снова, как предки, лишённые смысла и места,

Побредём, протекая живыми людскими волнами.

Не бродяги, которым сиротство – фетиш и конфета,

Не мудрёные странники в поисках истин вселенских,

Но усохшее семя, напрасно носимое ветром,

Несуразная часть человечества – переселенцы.

От какой бы надежды, размеренность вдруг оживившей,

Откажусь, вдоль миров населённых себя подгоняя,

Где же дом из твоей колыбельной, где чёрные вишни,

Те, что к самой земле своей тяжестью ветви склоняют?

«Горе ветра морского безмерно, и он...»

Горе ветра морского безмерно, и он
Вечно горек и молод, и вечно в пути,
Словно тот, кто давно безнадежно влюблён,
Но ни гневу, ни смерти не дал подойти.

Словно тот, кто открыл себя каждому дню,
И теперь уж не будет напрасного дня,
Тот, кто ночь поверял небесам и огню
И открыл средоточье огня.

Дюны – тоже холмы в седой щетине осок,
Осока белей, чем соль, серп дюн не высок,
Вверх – ветер в лицо, вкус ветра горчит,
Вниз из-под ног ручьи – белый песок.

У ночного костра, у самой кромки морей
Мы сидели с ним, мы говорили, пока
Наша память не стала прозрачнее янтарей,
Светивших в её волосах и в твоих руках,

Он говорил: Я бессмертен, а что до любви —
Это надежда моя, пролитая в века.

Многоголосье

1.

- Утоли моя печали.
- Отпусти меня вначале.
- Как же, отпусти.

Отпущу, а ты обманешь,
Перепёлкой в небо канешь,
Разыщи поди.

Ты пока со мною рядом —

Всё надежда и отрада,

Вдруг да сменишь гнев.

- Что же, сторож мой случайный,
быть в юдоли нам печальной —
И тебе, и мне.

2.

Отпускаю!

Беда людская.

Распрощаемся, не раскаясь.

Взглянем гордо

В решеньи твёрдом.

– Отпускаеши?

– Отпускаю.

Говорил, без усилий можешь

Разорвать с кем угодно ходом.
Я тебя не держу, так что же
Не уходишь ты, не уходишь.

Именуя простое сложным,
От тоски никак не очнёшься,
Я тебя не гоню, так что же
Не вернёшься ты, не вернёшься.

Смутных мыслей навьючен кладью,
Лишь больней себя распаляя,
Для чего ты плетёшься сзади,
Не приблизясь, не удаляясь.

Уже нет ни свечи, ни песни,
Чтоб зажечь тебе в утешенье,
Я сказал бы тебе: Воскресни! —
Но не дан мне дар воскрешенья.

3.
Вот нелепость на три счёта:
Вы, сестра и я.
Мне нужна ваша забота,
Вам – сестра моя.

А сестрёнке нужен некий
Странный господин,
Что, с упорностью калеки,
Будет жить один.

Отдышались от испуга
И теперь втроём,
Что же мы никак друг другу
Глотку не порвём?

Что же мы никак друг друга
Не начнём топить?
Или нам, my darling, туго
Злости накопить?

Веку нашему сюрпризом
В капле бытия
Вот такой анахронизм —
Вы, сестра и я.

4.
Будут спорить, шел ли Мессия
В тех полях бескрайних и синих,
Где горит свеча восковая,
Мне-то что?
Живу. Уповаю.

«Словно к богу за крыжовником лазала...»

Словно к богу за крыжовником лазала,
Полюбила мужика ясноглазого,
Словно стареньких родителей предала
Лишь хмельного одного и отведала.

А он перья одевал,
Улетал в небеса,
А по перьям отливал
Синий край – бирюза.
По просыпанной росе
До колен в жемчугах
Уводил меня от всех,
Кому я дорога.

Рассказать вам что ли, други болезные,
Как ботиночки носила железные,
Как терпела опоясочек пламенный,
Как обгладывала хлебушек каменный.

Не молилась никому,
Ни богам, ни врагам,
Что отдали – то возьму,
Вот и вся недолга.

Если дура голова —
Станут ноги плясать,
В небесах мои слова,
Синий край – бирюза.

«Спокойствие бога...»

Спокойствие бога,

кумирню которого нынче разрушат,
Чтоб крест возвести из деревьев смолистой породы,
Флейтист козлоногий, оставив преемнику душу,
Рассеется в местной природе.

Спокойствие птицы,

она постепенно
От ветки до окончания змеиного взгляда
Проделала путь, и ленивая капелька яда
Уже просочилась в прохладные синие вены.

Спокойствие неба

над этим крестом и над этою птицей,
Спокойствие путника, пьющего воду у храма,
Спокойствие фресок, спокойствие в выцветших лицах
Святых, из глубин штукатурки взирающих прямо.

«Хорошо, сядь. Я скажу тебе правду...»

Хорошо, сядь. Я скажу тебе правду.
Твои руки – это как листья мяты,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.